

от * 8 АПР 42

Москва Газета №

СИМФОНИЯ ГРЯДУЩЕЙ ПОБЕДЫ

В разгар летних боев против наступающих фашистских армий в газете появилась короткая заметка. Она сообщала о том, что композитор Дмитрий Шостакович приступил к созданию нового большого симфонического произведения. В час величайшей схватки с оголтелым фашизмом, когда решаются судьбы великой страны, судьбы миллионов людей, советский композитор Шостакович склонился над партитурой, чтобы силою своего дарования еще более воодушевить родной народ, борющийся за свое существование, чтобы вдохновенным голосом искусства возвестить на весь мир о беспримерном подвиге советского человека.

Такую задачу мог взять на себя только истинный художник-патриот, до глубины души осознавший кровные связи свои с народом.

Седьмая симфония Шостаковича рождена в осажденном Ленинграде.

Знает ли история мировой культуры симфонии, сотворенные в осажденных городах?

Один этот факт сам по себе свидетельствует о бессмертном духе и величии советской культуры.

«Каждый день героической обороны этого города, — пишет автор, — был звеном в грандиозной симфонии борьбы, которую вел наш народ. Я слушал жизнь, видел напряжение советских людей, стремился запечатлеть картины героических дел в музыке».

...Широкая и светлая река звуков. Может быть, это родная Нева? Чудится город в предутреннем мареве, всадник, взнесенный конем над водой, над отраженными дворцами. В груди рождаются пушкинские строфы. Поэма сопровождает симфонию далеки, но родственным подтекстом:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

Вот начало этой беспримерной симфонии. Поют скрипки, рассказывая о безоблачном мире, о счастливом человеке. И мягко вторят скрипкам задумчивые голоса виолончелей и фаготов. Летит напоенная светом мелодия, лирически повествующая о бескрайней шире родных просторов, о простых и высоких радостях человеческого труда.

Но вот откуда-то издалека доносятся всплески сухой трескучей дроби. Постепенно вырисовывается жуткая в своем механическом однообразии музыкальная фраза. Повторенная различными группами инструментов, она выливается в дикую пляску людоедов под бухающий грохот ослиной кожи. В оркестре глухо зреет тревога. Неумолимо нарастая, она бездушно кромсает человеческие голоса скрипок и, наконец, сплошной медной лавиной обрушивается в притихший зал.

Это — тема войны. Железная гадина подползает к самому сердцу родного города. Уже слышится скрежещущее язгаение гусениц тысяч фашистских чудовищ. Уже несутся они кровавой дорогой войны...

И в тот момент, когда кажется, что бездушная стихия уже готова торжествовать победу, — поднимается новая могучая, грозная сила. Вступая в единоборство с бесноватым чудовищем, она властно преграждает ему дорогу. Чудовище остановле-

но. Оно еще сильно, но оно уже бессильно преодолеть светлое могущество человека.

Из хаоса борьбы торжественно всплывают величественные звуки реквиема. Скорбный голос фагота напоминает о тех бессмертных героях, кто отдал свою жизнь за счастье родины.

И снова струится полноводная река — просветленно звучит первоначальная тема симфонии. Но река уже не прозрачна, мутные валы зловеще перекатываются по широкой быстрине. Звучание в отдалении медные трубы сурово напоминают о том, что еще дымятся поля войны, еще течет кровь...

Так заканчивается первая и в то же время главная часть симфонии.

Вторая часть (скерцо) контрастирует первой. Она выдержана в грациозном, полном изящества танцевальном ритме.

Народные песенные мелодии ширятся, растут. Они говорят о беспредельных раздольях родного края. Они полны трогательной задушевности и внутреннего лиризма. Вторая часть симфонии по существу глубоко национальна. Она говорит о том, что в лице молодого композитора русская классическая музыкальная традиция нашла своего достойного продолжателя.

И если вторая часть задумана как провозглашение величия русской национальной культуры, то третья часть возрождает образы всемирной интернациональной культуры. Торжественные аккорды хора напоминают о старинных французских, чешских, германских городах, об ажурной архитектуре древних соборов, о Бахе, Генделе и Ветховене, о Гете и Гейне, о всей многовековой культуре Старого света, противостоящей сегодня гнусному фашистскому варварству.

Между третьей и четвертой частью нет перерыва. Четвертая часть симфонии, по замыслу автора, является как бы продолжением первой. «Это — финал, — пишет он, — написанный тоже в форме симфонического аллегро. И если первую часть можно условно назвать «войной», то четвертую следует назвать «победой». Борьбой не на жизнь, а на смерть открывается четвертая часть. Единоборство света и тьмы переходит в лучезарное ликование. Мы идем в наступление».

Над нами виснет шум битвы. Батальные сцены четвертой части написаны выдающимся виртуозом, тонким знатоком полифонизма. Слушая их, чувствуешь, что в них реализованы предельные технические возможности, которые предоставляет композитору современный оркестр.

И здесь следует отметить большую работу, проделанную объединенным оркестром Большого театра и Всесоюзного радиокомитета под руководством народного артиста Союза ССР дирижера С. А. Самосуда. Оркестр прекрасно справляется с труднейшей партитурой симфонии, мастерски воспроизводит ритмически сложный рисунок четвертой ее части.

И вот уже гремит сверкающий финал. Грядет великая победа. Трубят серебряные трубы. Мощно звучит оркестр в последних тактах этой замечательной симфонии.

Дмитрий Шостакович создал выдающееся произведение. Он рассказал о величайшей схватке двух миров языком возвышенным и до прозрачности ясным, языком высокого классического искусства.

Седьмая симфония останется в истории русской музыки первым величавым памятником отечественной войны. Она входит в боевой арсенал советского народа, она вся летит в будущее, звуча предвестником грядущей победы.

Г. ДУРМАН.